

АЛЕКСАНДР ЛЕБЕДЕВ

РОЗА И САША

РАССКАЗ

Впервые Саша увидела свою прабабушку в пять лет. До этого во время коротких наездов в Калининград родители, ссылаясь на различные причины, к бабе Розе не навещали. Старый, немецкой постройки, крытый черепицей дом оказался пуст. Бабу Розу нашли в огороде. Стоя на коленях, она пропальвала огурцы. Саша была разочарована. Она увидела согнутую в пояснице, опирающуюся на палку, одетую, несмотря на май месяц, в ватник, старенькую морщинистую женщину, которая, прикрывая ладонью от солнца глаза, вглядывалась в неизвестно откуда появившихся гостей.

— Кто это ко мне пожаловал? — спросила она неожиданно низким хрипловатым голосом.

— Я, баба Роза, твой внук Эдик с женой и дочкой.

— Прости, внучек, не признала, редко бабку навещаешь, да и глаза слезятся. Проходите в дом, коли приехали, чайку попьём, побеседуем.

— Торопимся мы, баба Роза, как-нибудь в другой раз.

— До следующего раза ещё дожить надо. Ну, как знаете, насильно мил не будешь, — с обидой произнесла баба Роза.

Саша, пока ехали в машине, замучила отца вопросами:

— Почему бабушка такая старенькая?

— Почему она спину не может выпрямить?

— Почему у неё глазки плачут?

ЛЕБЕДЕВ Александр Владимирович родился в городе Коломна Московской области в 1945 году. Более тридцати лет прослужил на Военно-морском флоте. Капитан 1-го ранга в отставке, кандидат исторических наук, доцент Балтийского Военно-морского института. Стихи и рассказы печатались в сборниках "Антология калининградского рассказа", "Балтийский флот", в журналах "Балтика", "Параллели", во флотских газетах и журналах. Живёт в Калининграде.

— Почему на ней такая старая одежда?

В общем, не впечатлила прабабка правнучку. Следующее свидание состоялось через пять лет. Баба Роза совсем не изменилась: всё так же возилась в огороде, одета всё в ту же замасленную телогрейку. Только видеть стала хуже да ходить тяжелее. Остались ночевать. Саше постелили на раскладушке в комнате бабы Розы. Прабабка, кряхтя, улеглась на кровать, поворочалась и обратилась к правнучке:

— Не спишь, Александра?

— Нет, баба Роза.

— Хочу тебе о своей жизни рассказать, отец-то, небось, ничего обо мне не говорил?

— Он и сам мало что знает, — заступилась за родителя Саша.

— Тогда слушай, а то, чуёт моё сердце, не свидимся больше. Надоест бабкина болтовня, скажи, не стесняйся. Я ведь не всегда старухой была да в земле ковырялась. Без малого полвека учительствовала. Перед войной мне семнадцать годков исполнилось. Семья наша жила на окраине маленького белорусского городка. Отец мужчина был видный, рослый. Вот только зрение подвело — видел плохо, из-за этого его и в армию не взяли. Он плотницкой бригадой руководил. Они срубы ставили. Мама — маленькая, юркая, словно живчик. Всё хозяйство на ней да трое детей в придачу. Мы, конечно, помогали: старшая сестра Настя за живностью ухаживала, на мне огород, младший брат Ванюшка — по дому. Война нас быстро накрыла, правда, бои в стороне шли. Ухо к земле приложишь, и слышно, как гул стоит. Самолёты немецкие в небе появлялись. Летели плотно, будто стая чёрных птиц, на восток и назад возвращались. Родители надумали ехать к родственникам на Урал. Раздали соседям скотину, птицу, попросили их за домом присматривать. Окна заколотили, на крыльчке посидели, всплакнули и отправились на вокзал. Там уже собралось несколько десятков семей, которые тоже решили вглубь России пробираться. Сутки просидели в ожидании поезда, а дождался немец. Они быстро свои порядки установили: комендант, бургомистр, полиция. Жителей собрали, разъяснили, что можно, а что нельзя, и жизнь потекла размеренно, буднично, будто ничего не случилось. Люди притихли в ожидании. Ругать немцев пока вроде бы не за что, но душа к ним не лежала, чужие они по духу, по воспитанию. Советская власть, какая-никакая, а своя. Отец корм для скота заготавливал, картошку копал — впереди зима. В городке церковь православная открылась. Прежде там склад был. В церковь народ потянулся, кто по не утраченной ещё привычке, кто батюшку послушать, с товарками поговорить. Зимой несколько улиц обнесли колючей проволокой и переселили туда евреев. Остальные жители поволновались и успокоились. Но вскоре дело дошло и до них. Начались отправки в Германию. Отбирали крепких, здоровых, не старых. Родители и я с Настей в списках на отправку оказались. Ванюшку брать не разрешили — годами не вышел. Отец ходил к бургомистру, тот и слушать не захотел. Мать в слёзы. Я и говорю: “Давайте Ванюшку в чемодан спрячем и с собой прихватим”. Мама засомневалась: “Где мы такой чемодан найдём? Вдруг заметят?” Отец меня поддержал: “Права Роза. Нет у нас, Мария, другого выхода”. Сколотил он из фанеры чемодан, насверлил в нём дырок и чёрным сатином обтянул, чтобы видно не было. Когда погрузились в вагоны, тронулись, Ванюшку на волю выпустили. На остановках — вновь в чемодан. Как до Германии доехали — и таиться перестали. Выгрузили на железнодорожной станции неподалёку от Голландии, прибыли “покупатели” и стали себе работников отбирать, как на невольничьем рынке. Родители с Ванюшкой попали на услужение графам, жившим в отдельной усадьбе. Меня и ещё двоих определили к супругам, у них два сына воевали против нас, а третий в Кёнигсберге на судоремонтном заводе док-мейстером работал. Старшую сестру Настю отправили на крестьянский хутор. Моя хозяйка — фрау Эльза — в свои шестьдесят пять лет три раза в день меняла наряды и строго следила, чтобы работники ходили в чистой одежде. Даже корову доили в белом переднике. На мне была работа по дому. Я, кроме борща, картошки, каши и яичницы, и готовить ничего не умела. Фрау Эльза всему научила: и готовить, и стол сервировать, и подавать. День по минутам расписан. И попробуй не успеть. Вначале все работники

питались вместе с хозяевами, но однажды пришёл полицейский инспектор, который следил за людьми, угнанными в Германию, и сказал “Nein! Das ist keine Ordnung”. После этого мы стали столоваться отдельно. Я старалась, и хозяйка относилась ко мне по-доброму, обучала немецкому языку и постепенно доверила покупку продуктов. В магазины ездила на велосипеде. Неподалёку от нас находился концлагерь. Однажды увидела колонну военнопленных, возвращавшихся с работы. Одежда на них грязная, рваная, головы вниз опущены, многие ранены. Сердце у меня от жалости зашло. Недельку собирала остатки пищи, на чердаке прятала, в корзине. В воскресенье отпросилась съездить к сестре, сама корзину в багажник, на велосипед и к концлагерю. Подъехала, территория большая, колючей проволокой огорожена. За проволокой бараки, никого вблизи не видно. Пошла вдоль забора, гляжу, на пригорке паренёк сидит. Форма на нём наша, красноармейская, только без погон. Сам худощивый, кожа да кости, на левой согнутой ноге правая лежит, глаза закрыты, лицо солнышку подставил. А лицо-то детское совсем. Не знала я, что судьба это моя. Окликнула его. Паренёк вздрогнул, вскочил неловко, поморщился. Рана оказывается, на правой ноге ещё не зажила. “Как тебя зовут?” — спрашиваю. “Слава, — отвечает, — а тебя?” “Роза”, — говорю. Так и познакомились. Подаю через проволоку узелок с едой. Он руку протянул, но затем отдернул и головой мотает: “Спасибо, не надо, не хочу”, — а сам голодную слюну глотает. “Бери, коли дают, и гордость свою спрячь подальше. Тебе выжить нужно, с немцами по квитаться, домой вернуться. — А как же остальные? — Ну, весь лагерь я не прокормлю. Сколько смогу, буду приносить. Хочешь, делись, это твоё дело. Я над тобой шефство беру”. Разговорились. Друг другу о себе рассказали. Родом он оказался из-под Пскова. Так и говорил: “Мы псковские”. Оба родители учителя. Он единственный ребёнок в семье. Долгожданный. Мать родила в сорок лет, уже и не надеялись на своего ребёнка, в детском доме девочку присматривали. Славу призвали перед войной. Служил в охране приграничного аэродрома. Повоевать толком не успел. В первый утренний воздушный налёт немцы уничтожили все самолёты. Аэродром перепахали бомбами вдоль и поперёк. Славу ранило, контузило и засыпало землёй в окопе. Чудом выжил, немцы подобрали. Очень сильно за родителей переживал. До середины войны режим в лагере был нестрогим, и мы виделись почти каждое воскресенье. Я перекидывала через забор узелок, ждала, когда Слава рассует еду по карманам, говорила: “Давай сам перекуси!” — и отходила в сторону, понимала, что ему неудобно перед девушкой жевать. Потом делились новостями, мечтали:

— Это же надо тротуар перед домом каждый день мыть. Фрау Эльза в туфлях на каблучках шеголяет, а моя мамка, сколько помню, в кирзовых сапогах. У них в коровнике чище, чем у нас на кухне. Вместо забора покосившегося — кустарник вечнозелёный и цветы с ранней весны до поздней осени глаз радуют.

— Ты скоро и сама немкой станешь, вон как шпыхаешь и одеваешься по-ихнему. Нравится здесь?

— Кому в неволе хорошо? Я же понимаю, что эта аккуратность и вежливость не мешает им наших ребят убивать и с нами обращаться, как со скотиной бессловесной. Конечно, мне грех жаловаться.

— Немцы-то прут и прут вперёд, так и до Сибири доберутся.

— Отпрыгались, под Сталинградом дали фашистам прикурить. Хозяева похоронку на младшего сына получили. Старуха в трауре, впервые накричала на меня, правда, потом извинилась.

— Жалко, отсюда не убежишь. Наверное, война без меня закончится?

— Нашёл чем расстраиваться!

— Ты хоть с родителями изредка видишься, а я и не знаю, что с моими, живы ли. И они обо мне вестей не получают, — глаза у Славы повлажнели.

— Ты о хорошем думай, легче будет, — посоветовала я.

— Я о тебе вспоминаю, — признался Слава и покраснел.

Я тоже засмузилась. До этого мы о своих чувствах, симпатиях ничего не говорили, но будущее друг без друга уже не представляли. Как-то нашу беседу прервал полицейский.

— Was machen Sie? — спросил он меня и схватил за плечо.

Слава вскочил, кинулся к ограждению, схватился за проволоку руками и закричал:

— Не смей, скотина!

— Славик, не волнуйся, иди в барак, всё будет нормально, смотри, ты ладони в кровь разодрал, — успокоила я его и обратилась к полицейскому по-немецки:

— Господин полицейский, это мой земляк. Мы ничего не нарушили. Я работаю у господ Зигертов, вот мой документ.

Полицейский внимательно посмотрел, нехотя произнёс: “Gut”, — однако не опустил автомат до тех пор, пока Вячеслав не скрылся в бараке. Мы и не предполагали, что больше не увидимся. Немцы прекратили отправлять пленных на работы и не выпускали на прогулки. Может быть, боялись побегов. Я по-прежнему приезжала и ждала, надеялась на чудо. Но чуда не произошло: в очередной мой приезд ворота лагеря оказались открытыми, а бараки пустыми. Не помню, как я вернулась в усадьбу, забралась в коровнике на сено и разрыдалась. Очнулась, когда почувствовала, что кто-то гладит меня по голове. Я открыла глаза, передо мной стояла фрау Эльза.

— Что произошло? — спросила она и добавила: — Только не обманывай, я знаю, куда ты едешь по воскресеньям.

— Славку моего угнали, теперь мы никогда не встретимся, — призналась я и опять заплакала.

— Глупая, плачут по умершим, а он живой, и от вас зависит, встретитесь вы или нет.

Вскоре хозяева получили известие о гибели второго сына. Фрау Эльза заперлась в своей комнате и не впускала даже мужа, который стучался и грозился выломать дверь топором. Появилась она через двое суток, впервые не причёсанная и не накрашенная. Я попросила разрешения навестить родителей. Хозяйка молча кивнула и почему-то перекрестила меня. Повидалась с родными, будто свежего воздуха глотнула, и во второй половине дня собралась назад, но объявили о воздушном налёте. От налёта спрятались в подвале. Взрывов не было слышно, только земля дрожала. Я порывалась уехать, однако дисциплинированные немцы заставили сидеть до отбоя тревоги. Вернулась, а чистенький, аккуратный городок наполовину разрушен. Железнодорожная станция горит. Дымятся огромные воронки. Зачем американские лётчики сбрасывали бомбы на мирных жителей? Не знаю. На месте коровника — развалины. Окна особняка выбиты, черепица посечена осколками. Перед крыльцом лежали фрау Эльза и её муж. То ли они не слышали тревоги, то ли специально вышли из бомбоубежища? Никто не знает, кроме них. Я вызвала полицию, собрала испуганных, растерянных работников. Они, торопясь и путаясь, рассказали, что произошло. Тела хозяев увезли в морг. Мы остались жить в доме, благо запасов хватало. Никто не обращал на нас внимания. Жители кто прятал добро, кто собирался уезжать на запад к союзникам. Так же неожиданно, без выстрелов в городке появились американцы. Они не стали разбираться с угнанными из Советского Союза, погрузили в вагоны и отправили в советскую зону оккупации. Наша семья вновь соединилась. Если бы ты видела, как мы радовались: и смеялись, и скакали, и обнимались. Все несчастья, казалось, позади, а я вспоминала Славика, и слёзы наворачивались. После недолгой проверки посадили в вагоны, и мы оказались в Восточной Пруссии, в Инстербурге, теперешнем Черняховске. Здесь проверка была более долгой и тщательной. К этому времени уже появились первые переселенцы из России. Родителям предложили остаться. Домов тогда много пустовало — выбирай, какой хочешь: с мебелью, посудой, скотиной. Отец съездил в Белоруссию и убедился, что там всё разграблено, растащено и изба сгорела. Так мы и остались. Обустроились немного, и пошла я в комендатуру. Дежурный офицер посмеялся надо мной. Действительно, поди, найди рядового Вячеслава Волкова, когда кроме имени и фамилии ничего не известно, даже точное местожительство. До сих пор не пойму, как я догадалась, промолчала о том, что познакомились мы в Германии, да и офицер занят был. Только и сказал, улыбаясь: “Жди, коли любит, найдёт”.

— Ты не уснула, Александра?

— Конечно, нет, баба Роза, мне очень интересно, — ответила Саша. — Нашёл вас Слава или нет?

— Нашёл, иначе и дед твой на свет Божий не появился бы, — баба Роза молодо засмеялась, надолго закашлялась и продолжала:

— Он действительно меня нашёл. Сначала вернулся на Псковщину. Вместо деревни — одни печные трубы памятниками торчали, родителей расстреляли. Потом в Белоруссию, отыскал наш городок, улицу, где мы жили. Соседи сказали, что недавно приезжал отец и уехал в Кёнигсберг. Вячеслав бросился туда. Обошёл все комендатуры. И, наконец, в Инстербурге на вопрос, стоит ли на учёте семья Тарасевичей или девушка по имени Роза, дежурный не стал листать журнал, а сам спросил:

— Ты, часом, не Славик Волков?

— Он самый, — открыл от удивления рот Вячеслав. — Вы откуда знаете? Я вроде документы не показывал.

— Комендатура всё знает. Документики-то предъявите. Ты вроде бы в плену был?

— Никак нет, товарищ капитан, видимо, что-то напутали.

— Ну, ну, вот адрес, беги, девушка тебя заждалась.

Потом я узнала, что Вячеслав каким-то образом у себя на родине сумел сделать документы, в которых не было отметки о плене. Вскоре свадьбу сыграли. Через год сестра Настя замуж вышла и стала Зайцевой. Так в одном большом немецком доме и жили три семьи: Волковы, Зайцевы и Тарасевичи.

— Дальше что было? — спросила Саша.

— Через год родилась дочка, и мы от родителей переехали поближе к Калининграду. Слава устроился на судоремонтный завод в док. В то время здесь и русские работали, и немцы, пленные и те, которые остались на заводе. Наши-то к порядку не приучены, а у них всё по инструкции, по полочкам. Особенно надоедал и придирался докмейстер, Гансом его звали. Рабочие его не любили. Слава за него заступался, доказывал, что требования справедливые, иначе нельзя. Я мужу с собой всегда поесть давала. Как-то в обеденный перерыв он увидел, что Ганс пустой хлеб жуёт, и предложил перекусить вместе, тот отказался, но попросил пару варёных картофелин и кусочек сала для сыновей. Я стала для мальцов отдельный узелочек собирать. Слава Гансу рассказал, что я в Германии работала. Немец поинтересовался, где, у кого. И, не поверишь, оказалось, что хозяевами моими были его родители. О смерти их он ничего не знал. Очень переживал. Мы семьями подружались. Ганс женился поздно, жена сирота, двое ребят, погодков шесть и пять лет. Уезжать не хотели, никто их там, в Германии не ждал, да пришлось. Насильно эшелонами вывозили.

— Ни разу с ними не виделись?

— Не довелось, может, что случилось, может, забыли, и так бывает. Адрес-то я помню. Отец твой собирается по Европе на машине прокатиться, вот бы и заехали, привет передали, если, конечно, есть кому. Не перебивай, доскажу, потом вопросы задавать будешь.

После дочки у нас сын родился, дед твой, Лёней назвали. Вырастили детей, в люди вывели. Только внуков Слава не дождался. После военной контузии он ногами маялся. Одну не уберёт, отрезали. На костылях прыгал, да недолго, умер рано, до пятидесяти не дотянул. Одна считай уже тридцать годков, задержалась, пора и мне на покой. Вот такую жизнь прожила твоя прабабка, хорошую ли, плохую — Бог рассудит. Теперь и ты обо мне, почитай, всё знаешь. Что молчишь?

— Можно, я к тебе переберусь?

— Не побрезгуешь со старухой под одним одеялом спать?

— Не со старухой, а с прабабушкой.

Саша перебралась на кровать.

— Я тебя люблю, баба Роза, — сказала она тихо.

— Спи, не болтай глупости, — баба Роза обняла правнучку и украдкой смахнула слезу.